

ОДИН из «обитателей» популярнейшего «Городка», известной телепередачи, **Илья ОЛЕЙНИКОВ** к собственному 50-летию написал книгу о себе, любимом. Как выяснилось, не меньше себя он любит нашу газету. И потому подарил рукопись «АиФ» (книга выйдет в издательстве «Вагриус» в апреле). Книга, само собой, биографическая, но юмористическая, так что предлагаемые читателю фрагменты вполне соответствуют первоапрельскому настроению.

Итак: «Место действия - вся страна и кусочек заграницы. Время действия - наши дни и чуточку раньше». А населяют книгу «президенты, кинорежиссеры, контролеры, генералы, военврачи, космонавты, студенты, женичины, евреи, Иван Грозный, Наполеон и многие другие. Например, А. ШИРВИНДТ и А. АРКАНОВ, Ю. НИКОЛАЕВ и В. ЛАНОВОЙ, О. АРОСЕВА, Евг. ВЕСНИК...

Илья ОЛЕЙНИКОВ

Жизнь как песня

НА ВТОРОМ курсе в качестве педагога к нам пришел **Евгений Яковлевич Весник**. Он вошел в аудиторию, и в ней сразу стало тесно от невероятного обаяния, которое излучал этот огромный человек. Понятно, что при первой встрече со столь маститым и титулованным артистом все мы, еще вчера бывшие провинциалы, зажалась, как сукины дети. Мы просто были подавлены ореолом величия и славы, витавшим над ним. А он, сразу обратив на это внимание, назидательно произнес:

- Есть такая категория людей, которые делают вид, что им чужды естественные человеческие слабости, а потому они не писают и тем более не какают. Судя по вашим лицам, вы, уважаемые, находитесь в ее авангарде. По-моему, вам надо расслабиться.

Закончив свой короткий монолог, он посмотрел на меня и, протянув пять рублей, сказал:

- Ну-ка, молдаванин, сбегай в лабаз и возьми пару флаконов чего-нибудь вашего.

Я сбегал, принес, народ выпил, и зажатость как рукой сняло.

Вы только не подумайте, что Учитель применял эту порочную практику на каждом занятии. Конечно, нет.

Но сдачу каждого экзамена мы всегда отмечали пышно и бравурно, собираясь у него дома, где и засиживались часенъко до самого утра.

Надо сказать, что Евгений Яковлевич был замечательным рассказчиком. Рассказывать он мог часами. Каждая история была интересна и занимательна, но больше всего в память врезалась одна. История о двух великих актерах - **Алексее Диком** и **Алексее Грибове**.

Артисты - в своей сущности дети, а дети, как известно, любят играть. Дикий и Грибов не составляли исключения из этого ряда, только игра, которую они для себя придумали, носила, как бы это

помягче сказать, достаточно странный характер. Называлась она «Две столицы», и условия ее были до примитивности просты: огромная железнодорожная карта Москва - Ленинград, выцганенная Диким по случаю у наркома путей сообщения, и много выпивки. Огромная эта карта расстилалась в не менее огромной диковской гостиной поверх ковра. Играющие зажимывали глаза, затем несколько раз прокручивались на месте и, раскрутившись до головокружения, тыкали пальцем в карту. От утыканного пункта отсчитывалось расстояние до Москвы, после чего километраж переводился в граммы и немедленно выпивался. Такая вот незатейливая детская игра. Не стоит и говорить, что до конечной остановки, то есть до Питера, играющие так ни разу и не добрались, так как обычно уже к Бологуму напивались так, что их в пору было выносить из поезда. Чем еще была хороша эта игра, так это тем, что в ней никогда не бывало победителей. Равно как и проигравших.

КАК-ТО поздней ночью, когда пьяный их паровоз вовсю мчался по дистанции и уже довез своих плохо соображавших пассажиров куда-то в район города Калинина, тишину прервал телефонный звонок. Алексей Денисович, еле добравшись до трубки, с трудом выговорил: «У аппарата» - и рыгнул.

- Товарищ Дикий! - раздался вежливый до тошноты голос. - Вас беспокоят из приемной Сталина. **Иосиф Виссарионович** ждет вас через полчаса. Машина уже у подъезда.

В трубке раздалась короткая гудки. Очумевший Дикий, понимая, что приход к вождю в столь непотребном виде в лучшем случае грозит сроком, и притом немалым, ринулся в ванную, панически соображая, что бы предпринять для молниеносного отрезвления, приговаривая только: «Господи, только

бы пронесло, сам свечку пойду поставлю!» Он блевал, нюхал нашатырь, обливался ледяным душем, затем опять блевал, опять нюхал, опять обливался - и так много раз, пока наконец не почувствовал необыкновенную легкость внутри себя и абсолютную готовность к встрече с вождем мирового пролетариата. Ровно через тридцать минут он стоял у сталинского кабинета. Перекрестился втихаря, чтобы никто не видел, и вошел. Вождь глянул на него исподлобья, а затем, ни слова не говоря, скрыл-

ся за бархатной занавеской. Не было его достаточно долго, и можно только представить, какие невеселые думы посещали опальную голову Алексея Денисовича в его отсутствие. Наконец Сталин появился. В руках он держал початую бутылку коньяка и два огромных пузатых бокала с изображением серпа и молота. Поставив бокалы на стол, он тщательно протер их рукавом кителя и начал разливать. Первый залил до краев, во второй капнул на донышко. Себе взял полный, а второй, в котором было на донышке, подал Дикому. Чокнулись. Выпили.

- Ну вот, - сказал Сталин, вытерев усы и ухмыльнувшись, - теперь мы с вами можем разговаривать на равных.

Мог ли я думать, что через какое-то время сам стану свидетелем не менее увлекательной истории, участником которой были тоже два великих артиста. Сам Евгений Яковлевич и звезда отечественной кинематографии **Иван Федорович Перевезев**.

Как-то Евгений Яковлевич отозвал меня в сторонку.

- Еду сниматься в Карпаты. Могу взять тебя с собой. С режиссером я уже на всякий случай договорился. Ролька, конечно, крохотная, но лучше, чем ничего. Да и отдохнешь заодно. Так что решай, молдаванин.

А что тут было решать? Кто бы отказался от возможности наблюдать за работой Учителя целое лето и обу-

чаться профессии не в пыльном училищном кабинете, а на практике. Я согласился.

Все было мне в новинку: Карпаты, съемки, тесное общение с любимым мастером.

Однако через несколько недель плотный контакт прервался самым неожиданным образом. Мой уважаемый педагог повстречался с уже упомянутым выше Иваном Федоровичем Перевезевым, также снимавшимся в этой картине.

На съемки Иван Федорович приехал не один: при нем была любовница и собака.

- Ванюша! - басил Евгений Яковлевич, чуть ли не намертво сжимая в своих объятиях не столь мощного, нежели он, Перевэ.

- Друг ты мой, Ванечка, как же я рад-то, дорогой ты мой! Столько не виделось! Надо бы отметить.

Не менее обрадованный встрече Иван Федорович живо откликнулся на призыв, но потом, что-то вспомнив, озабоченно поинтересовался:

- А куда я своих сучек подеваю? - очевидно имея в виду любовницу и собаку одновременно.

- Забудь, Ванюша! - грохотал Евгений Яковлевич, не выпуская из тесных объятий друга. - Какие сучки? При чем здесь сучки? Ты посмотри, какая благодать кругом! Погода райская, природа, ручеек из гостиницы виден, магазин рядом. Чего еще надо?

И Иван Федорович, махнув рукой на привезенных с собой спутник, поддался на уговоры. Пили они исключительно сухое, которое называли «сухаго», и коньячок. Для разминки взяли ящик.

- Ах, Ванька, как же я тебя, подлеца, люблю! - все никак не мог успокоиться Евгений Яковлевич. - Ну, давай еще по стакашку, милый!

И Иван Федорович, у которого и в мыслях не было сопротивляться буйному напору товарища, с удовольствием выпивал предложенный ему от чистого сердца стакашек, а потом еще стакашек, и еще один, и еще, пока наконец ящик не опустошался до самого дна.

Пошли за следующим...

НА ТРЕТИЙ день, когда Веснику стало ясно, что милая дружеская попойка начала приобретать характер стихийного бедствия, он сказал себе: «Хорошего понемножку» и самоустранился от дальней-

Аргументы и факты -
1999 - № 13 - с. 16-17

шего празднования. Но Иван Федорович духом был слаб и самоустранился не мог при всем своем желании.

Режиссер Николаевский в отчаянии заламывал руки.

- Боря! - взывал он ко второму режиссеру Урецкому. - Ну ты же ведь сам бывший алкоголик! Придумай же что-нибудь.

У Переверзева с утра труднейшая сцена, как мне с ним работать, он же, извините, лыка не вяжет!

Расстроженный невиданным доверием к своей персоне, Урецкий решил пойти Николаевскому навстречу. Поэтому, дождавшись ночи, вытащил полубесчувственного Ивана Федоровича на своих далеко не геркулесовых плечах и, с трудом доволочив до собственного номера, сбросил на кровать.

А чтобы тот, очнувшись, не дай Бог, не убежал за очередной порцией выпивки, второй режиссер, как умная Клава, запер дверь на ключ, а сам в качестве сторожевого пса улегся на пол.

Рано пробудившийся от тяжелого сна Иван Федорович властно потребовал у Урецкого чего-нибудь крепкого.

- Я вас заклинаю, - разволновался Урецкий, - группа третий день стоит. Одна сценка всего. Малю-юсенькая! Мы ее отснимем, а уж после я вам лично бутылочку принесу. Мамой клянусь!

- Ладно! - безрадостно согласился Переверзев. - Только сначала пожрать. Жрать охота после вчерашнего.

Придя в буфет, Иван Федорович заказал суп. Второй режиссер как прикованный находился рядом и не спускал с него тревожных глаз.

С перепоею, а потому злой как черт, Переверзев принялся хлебать. Проглотив первую ложку, он насторожился, после второй приободрился, после третьей - ненатурально повеселел, а к концу тарелки уже с трудом выговорил:

- Ну, Борыска, пошли сыматься!

Боря, пораженный метаморфозой, был вне себя. Понятно, что о съемках не могло быть и речи, но его выворачивало наизнанку совсем от другого - он никак не мог понять, каким образом еще совершенно трезвый мгновение назад Иван Федорович сумел так безобразно накачаться, не выпив ни единого грамма и находясь все время под его строжайшим контролем.

Следовательно, причину надо было искать в супе.

Озверевший от страшной догадки, Урецкий схватил буфетчика за грудки и прошипел гадюкой:

- Ты что это ему в суп налил, курва?

- А что, собственно, такого страшного произошло? - невозмутимо откликнулся тот. - Вижу, человек мается, опохмелиться хочет. Вот я ему в та-

релку вместо супа пол-литра водки и влил. Не помирать же человеку из-за такой ерунды, в самом деле!

А чтобы Урецкий не уличил его в дурном умысле, крикнул вдогонку:

- Нет, вы поймите правильно, я ведь в тарелку не только водки, я туда и супчику добавил. Для вкуса. Полторы ложечки. Что же я, изверг какой-то, что ли? Небось понимаю, что человеку не только выпить, ему и позавтракать хочется.

Таким образом, из-за гуманного буфетчика безвинно пострадала вся съемочная группа. *(Парадокс заключается в том, что в фильме Иван Федорович сыграл председателя колхоза, на дух не переносящего запах алкоголя. - Прим. авт.)*

В НАЧАЛЕ перестройки водка с магазинных прилавков бесследно пропала, а в ресторанах если и наливали, то по чуть-чуть. Теперь вам, надеюсь, будет понятно на причина некоторой тревоги, которую я испытывал, войдя в кабинет директора читинского ресторана по поводу празднования моего дня рождения, поскольку получилось так, что мой день рождения застучал меня на гастролях, именно в то проклятое время и именно в Чите. Учитывая мои несуществующие заслуги перед отечеством, а также именитых приглашенных, директор пошел мне навстречу.

- Сделаем так, - сказал он, - чтобы излишне не нервировать остальных присутствующих, я вашу водку разолью в бутылки из-под минеральной воды. Тут, главное, не перепутать, так как в одних бутылках из-под минералки будет водка, а в других, точно таких же, непосредственно сама минералка. Бутылки, подчеркиваю, совершенно одинаковые - боржомные. Поэтому повторю - главное, не перепутать! Надеюсь, вам ясно почему? - внимательно посмотрев на меня, спросил на прощание директор.

- Ясно-ясно! - сказал я, оценив директорскую предосторожность.

Когда гости расселись за огромным столом, я объявил им, что, учитывая ситуацию, водку нам в целях конспирации подадут исключительно в бутылках из-под боржоми.

- Трудность заключается в том, - втолковывал я гостям, - что кроме мнимых бутылок из-под боржоми, в которых уже находится водка, будут еще и другие, такие же бутылки, но уже с настоящим боржомом. Потому, во избежание эксцессов, предупреждаю - слева от каждого бутылка боржомом с боржомом, а справа - бутылка боржомом, но с водкой. Все запомнили?

- Все! - дружно откликнулись гости и тут же, забыв о грозном предупреждении, принялись лихорадочно разливать.

Вечер загудел, и поздравления посыпались одно за другим. Расчувствовавшемуся **Васе Лановому** тоже захотелось сказать про меня что-нибудь эдакое. Он отговорил, поцеловал звонко, опрокинул по-гусарски бокал, и вот тут-то и случилось то, о чем так настырно предупреждал директор.

Вася, собираясь, как положено, запить "горькую" водой, взял по ошибке не свою левую бутылку боржомом с боржомом, а мою правую из-под боржомом, но с водкой. Налил до половины и смачно выпил. Потом вдруг привскочил на месте, побагровел, закашлялся и, вероятно стараясь как можно скорее исправить собственную оплошность, довольно несдержанно схватил стоявшую рядом с его бытылкой из-под боржомом, но с водкой, другую бутылку из-под боржомом с прозрачной жидкостью, справедливо рассчитывая, что уж эта бутылка точно с боржомом.

Не раздумывая он хлопнул ее прямо из

горла, но, судя по безумному взгляду и внезапно вывалившемуся языку, стало очевидно, что он опять ханнул явно не то, на что втайне надеялся. На Васю стало страшно смотреть: из благополучного народного артиста он превращался в отловленного и брошенного на раскаленную сковороду еще минуту назад беззаботно плескающегося в речке караса.

Из горла его выполз сдавленный хрип:

- Воды-ы-ы! Дайте же кто-нибудь воды!

Тут началась паника. Все, движимые благородным стремлением помочь умирающему, напрочь лишились рассудка и позабыли, в какой бутылке что находится.

И когда Вася, в полубессознательном состоянии, залил в себя четвертый кем-то заботливо поданный стакан, факт непоправимой ошибки был налицо - бутылки опять перепутались!

Четыре коротких водочных выпада сыграли свою черную роль. Вася враз превратился в хлам, как никто и никогда. Это была какая-то неизвестная доселе степень опьянения. Может, тридцать седьмая. Может, тридцать восьмая - я не знаю какая. Знаю только, что таковой быть не может.

- Я вчера, случаем, не перебрал? - спросил он на следующий день, поглядывая на меня с подозрением. - А то головка чего-то побаливает.

- Да что ты, Васенька! - поспешил успокоить его я. - Трезв был как стекло!

К чести Ланового должен сказать, что этот случай для него не показателен - выпивает он редко и с умом.

